

УДК: 327

К. А. Коновалова

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КОНОВАЛОВА Ксения Александровна – студентка. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: misssienna@yandex.ru.

В статье рассматриваются особенности воздействия правовой культуры на современную систему международных отношений. Анализ этого воздействия проводится на трех уровнях – индивида, государства, самой глобальной международной системы. Для каждого уровня предлагаются теоретические обобщения и актуальные примеры из международнополитической жизни.

ПРАВО; ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА; ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА; СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ; ЛИЧНОСТЬ; НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО; ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В широком смысле слова правовая культура – это система ценностей, правовых убеждений, традиций, стереотипов поведения, принятых членами определенной общности (государственной, религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности [1]. Будучи феноменом социальной жизни, правовая культура должна пониматься в двух ипостасях: как составная часть индивидуальной и групповой духовной культуры вообще и как элемент правовых систем различного порядка. Эта двоякая сущность правовой культуры позволяет прямо соотносить ее с проблематикой функционирования международно-политической среды, оценивать ее воздействие на процессы, характеризующие международные отношения. Потому что, во-первых, международные отношения – это, как минимум, разновидность отношений социальных, а как максимум, в соответствии с

конструктивистской трактовкой, – совокупность «идей» – итогов рефлексии индивидов о текущем и желаемом состоянии международной среды [2]. Правовая культура как часть культуры духовной может быть также названа «идеей», поскольку она подразумевает человеческие мысли, переживания, восприятия, касающиеся права, и мотивированное ими поведение. Во-вторых же, система международного права непосредственно регулирует международные отношения, а значит, правовая культура будет «ответственна» за субъективные и объективные отражения этого регулирования в сознании и способах организации деятельности людей.

В классическом понимании правовая культура содержит три уровня – личности, группы и общества [3] (как «самой большой» группы). Поскольку национальное государство является минимальной необходимой и при этом достаточной для существования международной системы «группой», а сама эта система – наиболее «большой группой» из возможных, анализ влияния правовой культуры на современные международные отношения можно провести также на трех уровнях – личностном, национально-государственном и уровне международной системы как цельного организма.

Воздействие правовой культуры на современную систему международных отношений в его личностном измерении можно описать так: «ощущение» права как поведенческий стимул лица, принимающего значимые для международной среды решения. Иными словами, личностный уровень может показывать, как, сообразуя свои деяния с правом как ценностью, индивиды оказывают влияние на состояние мирового сообщества.

Легче всего оказывать такое влияние тем, кто облечен политической властью. В этом смысле состояние индивидуальной правовой культуры может быть одним из компонентов политического лидерства. Ясно, что для сегодняшних прогрессивных обществ и демократических политических систем предпочтителен рационально-легальный тип политического лидерства, высокая эффективность которого, в свою очередь, в идеале связана и с развитой правовой культурой лидера. В принципе одной из гарантий высоко развитой правовой культуры может

служить причастность к профессиональному ее пласту, если мы исходим из того, что, опять же, хотя бы в идеале, юрист, правозащитник, парламентарий-законодатель и т.д., не только имеют твердую убежденность в том, что право необходимо для общественного прогресса, но и знают, как на практике применять право в этих целях. Среди эффективных демократически избранных лидеров государств современного мира есть правоведы и правотворцы по профессии, но это ни в коем случае не преобладающая тенденция. Зато можно обратить внимание на то, что из десяти (считая недавно избранного Антониу Гутерреша) к настоящему моменту генеральных секретарей ООН только двое – Кофи Аннан и Пан Ги Мун – не имели какого-либо профессионального отношения к праву до занятия этого поста [4]. Прямых указаний на необходимость иметь профессиональный опыт в сфере права в квалификационных требованиях к Генеральному секретарю нет (речь идет о большом опыте и заслугах в сфере международных отношений, в управленческом поле, знании языков [5]). Но очевидно, что эти профессиональные навыки оказываются важными в процессе исполнения Генеральным секретарем своих должностных функций, причем не только тогда, когда он выступает в ролях «миротворца», «посредника при разрешении конфликтных ситуаций», «охранителя человеческого капитала планеты» [6], но и символизирует саму ООН с ее верой в возможность создания нормативного поля, в котором бы обеспечивалось здоровое состояние международной среды, складывались возможности для ее совершенствования.

Обязательно ли политический лидер с развитой, в том числе, за счет профессионального ее пласта, правовой культурой, будет «работать» на гармонизацию международной обстановки? Безусловно, нет. Убежденные легалисты (термин «легализм» многозначный, но мы будем толковать его как приверженность неукоснительному соблюдению норм права), принимающие решения, затрагивающие международное сообщество, вполне могут «прикрывать» именем права и правомерности как некоего универсального блага прагматичные, циничные и даже неправовые поступки, исходя из своих личных интересов либо интересов политического коллектива, который они представляют. Так, по сравнению

с Джорджем Бушем-мл., опытный и идейный правовед Барак Обама казался принципиальным поборником норм международного права. В первой стратегии национальной безопасности США, относящейся к его президентству, звучали многочисленные заверения в том, что США в своей международной политике будут опираться на международные нормы, институты, а не на жесткую силу [7, с. 88–89], президент также обещал закрыть Гуантанамо, «отрекся от пыток». Однако практически сразу стало ясно, что администрация Обамы перенимает жестко силовую, интервенционистскую внешнеполитическую линию Буша-мл., и ее правовую подоплеку [8]. Подтверждениями тому могут служить расширение военных действий в Афганистане, активизация военного конфликта в Пакистане, наконец, американская причастность к революционным событиям «арабской весны». Эти деструктивные шаги США с подачи президента-легалиста и его команды часто оправдывались правом – необходимостью защитить права человека, восстановить нарушенное право народа на национальное самоопределение и т.д. Красноречивым примером единоличного «жонглирования» правовыми нормами для достижения политическим лидером прагматичных политических целей, попутно приводящего к дестабилизации международной среды, кажется дело «Кусинич vs Обамы». Тогда истцы-конгрессмены заявляли, что инспирированная США разрушительная военная операция НАТО в Ливии не только не оправдана положениями Североатлантического договора 1949 г., но и санкционирована президентом в нарушение законов США [9].

Рассматривать национальный уровень существования правовой культуры нам важно постольку, поскольку национальное государство продолжает оставаться важнейшим участником международных отношений и актором мировой политики. Национальная правовая культура зависит от национального менталитета, особенностей национального правопорядка и конкретного исторического периода. В ее состав помимо коллективного правосознания и правового поведения масс и элит входят качество системы юридических актов и институтов государства, характеристики его самого как правового субъекта [10, с. 389].

Конечно, развитая национальная правовая культура играет роль в сохранении конструктивного государственного режима, поддерживает существование правового государства. Ведет ли, с этой точки зрения, установление развитых национальных правовых культур к более гармоничным отношениям между государствами? С одной стороны, полагая, что правовое государство есть априори государство демократическое, можно вспомнить теорию демократического мира (ТДМ), и ответить на этот вопрос утвердительно. С другой стороны, проверки политической реальностью этот тезис, скорее всего, не выдерживает. Точно так же, как сторонники ТДМ не смогли дать исчерпывающую характеристику «настоящей» демократии, мы не сможем определить универсальные критерии для «настоящего» правового государства с высоким уровнем правовой культуры. В самом деле, огромное множество современных конституций постулирует наличие «правового государства»; таковы, например, действующие конституции Белоруссии, Филиппин, Венесуэлы, однако никак нельзя сказать, что государственные режимы этих стран существуют исключительно в рамках права и законности. Совершенно неправовой де-факто государственный режим в боливарианской Венесуэле к тому же служит сегодня постоянным дестабилизирующим межамериканские отношения фактором.

В прямой связи между высокой правовой культурой и реальной гармоничной демократией следует сомневаться еще и потому, что лидеры и массы различных государств могут считать высшей ценностью, направляющей работу государственного механизма, разные категории права. По этой причине, например, на встрече в марте 2016 г. Б. Обама и кубинский лидер Рауль Кастро не достигли взаимопонимания в вопросе обеспечения прав человека. Кастро отрицал существование неправового режима на Кубе, говоря, что Куба в образцовом порядке обеспечивает своим гражданам, а те весьма широко и корректно пользуются «правом на образование, здравоохранение, обязательное медицинское сопровождение родов, равную оплату труда женщин и мужчин...» [11]. Вполне возможно, что, опираясь на непоколебимую веру в приоритет социальных и экономических прав, кубинцы построили «правовое», с их точки зрения, государство, но для США, которые так и не смогли, например,

гарантировать населению обязательную бесплатную медицинскую помощь, «главными» являются, прежде всего, права гражданские и политические.

Характеризуя правовую культуру как фактор международных отношений на уровне самой международной системы, можно было бы отталкиваться от того, что одним из основных трендов современных международных отношений выступает глобализация. По мнению некоторых правоведов, она приносит с собой «глобализацию права»; о становлении особого глобального права на пересечении международного и национального, говорит, например, В.М. Шумилов [12]. Глобализация также связана и с универсализацией культуры, но эта универсализация сопровождается и контр-тенденцией – регионализацией, культурными расколами. В масштабе мира правовая культура в эру глобализации, на наш взгляд, скорее «живет» по законам именно культуры, а не права.

Проиллюстрировать это тезис удобно на примере миграционного кризиса в Европейском союзе, начавшегося в 2015 г. С одной стороны, известно, что на базе ЕС существует вполне цельный комплекс правовой культуры, произрастающий из обязывающего все 28 стран-членов права Европейского союза и общей европейской культурно-исторической идентичности. «Закодированные» в этой культуре категории высокой законопослушности, солидарности, гуманизма проявили себя в букве и духе Шенгенского и Дублинского соглашений, которые по идее и должны были регламентировать действия европейских правительств при наплыве беженцев. Но на фоне все большего количества прибывающих жителей Ближнего Востока и Северной Африки, многие из которых являлись нелегальными мигрантами или интегрировались в европейскую культуру с большим трудом, законопослушность, солидарность и гуманизм подверглись серьезному испытанию: так, уже по всему ЕС осторожно обсуждается опция приостановки Шенгена [13]; в ряде стран (особенно, в Восточной Европе) поднялись острые протестные настроения против общеевропейской миграционной политики и принципа разделения бремени ее издержек. Премьер-министр Венгрии, к примеру, еще в сентябре 2015 г. заявил, что мигранты – «это проблема не европейская, а немецкая» [14]. Что касается Германии, сегодняшнего конечного пункта

назначения для большинства беженцев, то такой драматичный эпизод, как нападения мигрантов на женщин в Кельне в январе 2016 г., во многом как раз демонстрирует конфликт правовых культур «старого» Запада и исламского Востока. Несмотря на то, что правоохранительные органы указали на общеуголовные мотивы тех преступных деяний, которые были совершены, общественность была обеспокоена тем, что события наподобие кельнских вызываются различиями в понимании правомерного и противоправного поведения у немецких жителей и мигрантов, проистекающими из национальных культурных установок. В подтверждение здесь можно привести факт последующего распространения властями Германии и Швейцарии специальных просветительских бюллетеней, адресованных беженцам-мужчинам из исламских стран, целью которых было, в общем, объяснить, что любая, даже ведущая себя не консервативно и совсем не по канонам ислама, женщина пользуется в Европе правом половой неприкосновенности [15].

Рассмотренные нами примеры не являются исчерпывающими свидетельствами того, как правовая культура выступает в роли фактора современных международных отношений. Но они предлагают некоторые закономерности, в соответствии с которыми на личностном уровне право как ценность и элемент духовной культуры может направлять акт поведения и/или политическое решение; на национальном – определять политико-правовой режим государств как главных участников международных отношений; на уровне международной системы, имеющей глобальный характер – характеризовать меж- и наднациональное «притяжение» и «отталкивание» индивидуальных и групповых моделей восприятия правовых норм, в целом оттенять межкультурное взаимодействие. В общем случае правовая культура с присущими ей конкретными характеристиками и уровнем развития – это всегда не столько цель, сколько средство, позволяющее придать международной системе новые качества, обеспечить ее эволюцию в разных сферах – от общей духовности до специфических институтов. Главная роль правовой культуры в данном контексте состоит в том, что она «отвечает» за представление международной реальности в категориях приемлемого и неприемлемого, правомерного и неправомерного с точки зрения интересов

различных игроков международной арены и во имя обеспечения их конструктивного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс] – URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php
2. **Полулях Д.С.** Теории международных отношений: критические теории и конструктивизм: [Электронный ресурс] – URL: https://www.academia.edu/12153849/Теории_международных_отношений_критические_теории_и_конструктивизм.
3. **Гуляихин В.Н.** Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4. С.135–158.
4. Former Secretaries-General. // United Nations. (официальный сайт). – URL: <http://www.un.org/ru/sg/formersgs.shtml>
5. Procedure of Selecting and Appointing the next UN Secretary-General. // United Nations. (официальный сайт). – URL: <http://www.un.org/pga/71/sg/>
6. **Zissis C., Vriens L.** The Role of the UN Secretary-General. // Council on foreign relations. 21.10.2011. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cfr.org/international-organizations-and-alliances/role-un-secretary-general/p12348>
7. **Коньшев В., Сергунин А.** Стратегия национальной безопасности Б. Обамы. Состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель – Observer. 2010. № 12(251). С.87-95.
8. **Полунин С.Б.** Познер Э.А. Опасности глобального легализма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2011. №4. С. 176-179 ISSN: 2219-861X
9. Памятная записка по постановлению по делу *Cucinic v. Obama* № 11-1096 (RBW), вынесенному Федеральным окружным судом округа Колумбия, США. – URL: <https://ru.scribd.com/doc/69792138/KUCINICH-et-al-v-OBAMA-et-al-14-MEMORANDUM-AND-OPINION-69764807-Judge-Dismisses-Congressional-Lawsuit-Over-Libya-Campaign>.
10. **Костина К.А.** Правовая культура в сфере правового регулирования: понятие и сущность. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №9(113). С. 388-392 ISSN: 1810-0201
11. **Sabartes E.** Obama habla de derechos humanos en Cuba y Castro demanda “una convivencia civilizada”. // La Vanguardia. 22.03.2016.
12. **Шумилов В.М.** Международное право. Уч. пособ. – М.; Международные отношения. 2012. ISBN: 978-5-7133-1402-6
13. **Bayliss C.** Schengen OVER? EU officials FINALLY cave in to pressure and establish new ‘border force’. // Sunday Express. 07.10.2016.

14. Премьер Венгрии: мигранты – это проблема Германии, а не остальных стран ЕС. // Европейская правда. 03.09.2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/09/3/7037772>.

15. Kern S. Germany: Migrant Rape Crisis Worsens. // Gatestone Institute. 05.03.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/7557/germany-rape-migrants-crisis>.

KONOVALOVA, Kseniya A. – Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: misssienna@yandex.ru.

LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

This article discusses the impact of the legal culture on the contemporary system of international relations. An analysis of the impact is proposed on three levels - the level of individual, state, and global international system as such. For each level theoretical generalizations and actual examples from today's international life are provided.

LAW; SPIRITUAL CULTURE, LEGAL CULTURE; SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS; INDIVIDUAL; NATION-STATE; LEGAL BEHAVIOR
